

ДЕТЕКТИВ

ВЫСОКОГО

ПОЛЕТА

Глава 1

Тринадцать лет назад

Ледяная крошка брызнула веером. Удар пришелся как раз в середину цифры «восемь» на спине и впечатал игрока в синей форме в борт хоккейной коробки. «Хех!» — выдохнул он, чувствуя, как затрещали ребра. Оттолкнулся, попутно поддев плечом противника, успел заметить лицо «двадцатки», прошипел:

— Отвали, Лапа!

Но было поздно. Потерянная шайба уже металась от клюшки к клюшке, неумолимо приближаясь к заветной цели.

— Пасуй! Лапа, пасуй! — раздался крик.

Обманное движение, обводка противника, шайба влетела в ворота. Вопли пронеслись горьким и радостным эхом под высокими сводами спортивного комплекса. Лапа, игрок в красной форме, «двадцатка», катился прочь от ворот, высоко потрясая клюшкой.

— Лапа! — громко крикнул «восьмерка» и провел крагой по горлу.

Лапа опустил клюшку, постучал ею по льду, словно приглашая противника к схватке. «Ну погоди же, — пробормотал «восьмерка», — сейчас я тебя сделаю». Стремительно бросился к игроку в красной форме, который вел шайбу, вздернул вверх его клюшку, давая шайбе продолжить скольжение, ловко перехватил и помчал на поле соперника.

Лапа бросился в погоню, терзая лед, и почти догнал, когда резкий звук свистка остановил его.

— Парни! Заканчиваем, — тренер подал сигнал еще раз, давая отбой игре. — Все, я сказал!

Хоккеисты подросткового клуба «Заря», тяжело отдуваясь, покатались к открытой в борту калитке. Тренер одобрительно посмотрел на их мокрые лица — выложились по полной. Молодцы. Двое игроков все еще толкались возле одних из ворот, щелкая клюшками по льду. Шайба отлетела к борту, раздался гулкий звук. «Восьмерка» метнулся за ней, сзади в него врезался «двадцатый», проведя неплохой хит.

— Двадцатый и восьмой, для вас особое приглашение? — Свист и последующий окрик, казалось, не возымели на мальчишек никакого действия. Тренер нахмурился. В кармане затрепыхался телефон, звонили из Комитета по спорту, и он спешно вышел в более тихое мес-

то. Мимо, тяжело грохая ботинками, протопали в раздевалку запаренные мальчишки.

— Да нет же, все равно я тебе сейчас вдую! — «Восьмерка» силился прорваться к воротам.

— Кишка тонка. — «Двадцатый» упал на колени, поймав шайбу.

— Простите, здесь сейчас наше время...

Хоккеисты дружно развернулись. Мальчишка лет тринадцати в синем трико с серебряным позументом строго смотрел из-под светлой челки.

— Ой, кто это тут? — дурашливо пропел «восьмерка». — Никак детский сад на прогулке?

— Нет, это попугаи сбежали из зоопарка. — «Двадцатый» быстро поднялся на ноги и легонько ткнул мальчишку крагой в плечо. — Смотрите на него: наше время, — передразнил он.

— Да, — твердо повторил фигурист, — наше время, и я вас прошу освободить лед. Мы такие же спортсмены, как и вы, и тоже платим за тренировки.

— Такие же? — громко захохотал «двадцатый», а следом за ним «восьмерка». — Да вы посмотрите на него! Еще бы в колготках на лед вышел.

— Да о чем ты с ним говоришь? Это же не мужик. Так... недоразумение в стразах, — «восьмерка» презрительно цыкнул сквозь дырку в зубах.

— По-вашему, мужик только тот, кто тупо ездит туда-сюда и гоняет дурацкую шайбу? Вот уж точно интеллектуальное занятие, — фигурист тряхнул челкой.

— Че ты сказал? — «восьмерка» грозно набычился.

— Подожди, — «двадцатый» отодвинул приятеля. — Значит, дурацкое? Ну-ка держи, — он сунул клюшку в руки оторопевшему мальчишке. — Докажи, что мужик, а не чмо в лосинах.

— И не собираюсь! — Клюшка упала на лед с глухим стуком.

— Да чего ты с ним возишься. Он же из этих, — «восьмерка» сделал неприличный жест.

Лицо мальчишки залила краска.

— Сам ты из этих! Идиот!

— Ой, ну точно! Смотри, как покраснел! А волосики-то длинные, как у девчонки. Девочка, а девочка, как тебя зовут?

Мальчишка замахнулся на обидчиков. Те со смехом разлетелись в стороны. «Восьмерка» клюшкой зацепил одиноко лежащую шайбу и погнал ее по льду. Возле фигуриста резко затормозил, погонял шайбу возле самых его ног.

— Ну, давай, — подначил он, — давай. Докажи, что мужик. Поймаешь шайбу — первый тебе руку пожму. Становись, — он кивнул на пустые ворота.

Фигурист посмотрел на ухмыляющиеся лица парней. Оглянулся на двери в раздевалку, откуда должен был появиться тренер.

— Думаешь, не смогу? — зло выпалил он. — Думаешь, самый крутой? Восьмой номер нацепил и считаешь, что на Ови стал похож? Да ты и рядом не стоял!

— О! Да ты хоккеем смотришь, девочка?

Хоккеисты громко засмеялись и застучали клюшками по льду. Фигурист сжал губы. Да, он любил хоккей, но ему нельзя в него играть. Надо беречь руки и ноги. И тренер его убьет, если... Он посмотрел на хоккеиста в синей форме. Такой же парень, может, чуть старше. Лет пятнадцати, а кажется уже таким взрослым и сильным. Да, у него там наклейки на плечах и груди. Но глаза — глаза не совсем детские. И лицо... Он кивнул и поехал в сторону ворот. Встал посередине, чуть согнул ноги в коленях, выставил перед собой клюшку.

— Молодец! — крикнули ему. — Держи!

«Восьмерка» покатал шайбу влево-вправо, подмигнул другу, тот ухмыльнулся, предвкушая потеху. Клюшка чиркнула по льду, подцепила шайбу под доньшко, и та, влекомая силой удара, не скользнула по гладкой поверхности, а подлетела и понеслась вперед. Напрасно мальчишка выставил клюшку, шайба ударила его по ноге и

отлетела вбок. Фигурист рухнул на колени. Не очень приятное падение. Впрочем, эта боль не глушила боль, которая разливалась по голени. Он застонал, чувствуя, как слезы сами катятся по щекам.

Хоккеисты смеялись и хлопали друг друга по наплечным щиткам.

— Молодец! Классный буллит.

— Все, идем. Саныч ругаться будет.

Они оглянулись на согнутого мальчишку и поспешили на выход. Фигурист с трудом встал. Нога почти онемела. Он все же толкнулся и покатил на здоровой ноге прямо на хоккеистов. Рука, сжатая в кулак, впечаталась в спину «двадцатки». Хоккеист оглянулся и ударил худенького противника в грудь растопыренной ладонью. Мальчишка отлетел и треснулся об лед, проехав на спине по инерции. И остановился. И больше не двигался.

— Тоже неплохой буллит, — хмыкнул «восьмерка». Они вышли со льда и скрылись в дверях раздевалки.

* * *

Девочка в шифоновом платье, расшитом пайетками, замешкалась у бортика, снимая чехлы с лезвий. Где же Глеб? Он же вроде должен приехать раньше нее. У него сегодня было занятие с репетитором по математике, кото-

рый жил недалеко от спортцентра. Девочка положила чехлы на скамью и скользнула на лед. Нет, Глеб уже пришел. Только почему-то улегся прямо на лед, да еще и в костюме для выступлений. Совсем уже, что ли? У них соревнования совсем скоро. Уже несколько дней они оттачивали программу, привыкая к костюмам.

— Глеб! — позвала она. — Хватит шутить!

Глеб не шутил. Он лежал и смотрел вверх широко открытыми глазами. По льду растекалось что-то яркое и алое. Из ее груди вырвался крик, ударил в стальные перекрытия и взорвался многократным эхом в потолочных окнах.

Потом ей долго будет сниться это алое пятно на белом поле. Нет, не долго — всю жизнь.

— Что? Что случилось? — по льду уже бежала женщина в спортивном костюме. Резко затормозила, ахнула, рванула на себя девочку, прижала к себе.

Хоккейный тренер, как раз закончивший разговор, выбежал на каток. Быстро набрал номер спортивного врача, потом «Скорую». Его подопечные столпились у калитки, перешептывались. Тренер поискал глазами и не нашел того, кого хотел.

— Уведите ее, — шепнул он женщине. — «Скорую» я вызвал. И врач сейчас придет.

— Ему нужна помощь! Вы же видите, у него кровь! — кричала девочка.

Тренер присел рядом с телом, взгляделся в неподвижное лицо.

— Пустите меня! Глеб! Пустите!

Тренер все понял: судебное разбирательство как минимум.

Женщина пыталась вывести девочку с катка. Та упиралась, но все же потихоньку двигалась в сторону открытой в коробе калитки.

Тренер на секунду задумался. Рука его скользнула вниз по ноге фигуриста. Быстрым движением он дернул конец шнурка на ботинке и встал. Как раз когда слышались торопливые шаги.

— Что тут? — запыхавшаяся женщина-врач держала в руке аптечку.

— Да вот, Ирина Павловна, кажется, несчастный случай.

Ирина Павловна нагнулась и взгляделась в лицо пострадавшего.

— «Скорая» едет?

— Да.

— Трогать не будем, — Ирина Павловна открыла чемоданчик. — Скорей всего черепно-мозговая. Адреналин вколю для поддержания... Как же это он так?

— Шнурок развязан, споткнулся, наверное...

— Беда какая.

«Беда, — подумал тренер, — еще какая беда». Он повернулся к своим ребятам.

— Что встали, парни? Переодеваться и ждать меня. Понятно?

Его игроки дружно кивнули и покинули лед. А тренер фигуристов прижимала к себе девочку, гладила по голове. Утешала. Хотя как тут утешить.

С улицы долетел тоскливый вой сирены.

Глава 2

Наше время

Храбрец умирает один раз, трус — многократно, но все же не каждый день, как она. Жанна сунула ноги в удобные лоферы, провела рукой по волосам, стянутым в аккуратный пучок. Пора. Чемодан с вечера стоял на страже возле дверей. Портплед с формой висел на руке. На пороге она оглянулась, прикидывая, не забыла ли выключить свет, воду, газ, утюг... поняла, что просто оттягивает момент, когда надо будет выйти за дверь и нажать кнопку лифта. «Темной-претемной ночью шел суслик по лесу и ничего не боялся», — пробормотала она привычную мантру и хлопнула замком.

Почтовый ящик ощерился газетами, как объевшийся тростника бегемот. Она вытащила кипу никому не нужных газет и рекламных проспектов и, воровато оглянувшись, запихала за батарею. Тащить это до помойки не было времени, а оставлять в ящике — провоцировать воришек, показывая, что хозяев дома нет. Непонятно, как ее до сих пор не об-

несли, с ее работой. Правда, братъ у нее особо нечего, разве что холодильник и новенькую плазму.

Почтовый конверт выпал из вороха бумаг и спланировал прямо к блестящим носам лوفرсов. Она подняла его, перевернула. Обычный белый конверт. Заклеенный. Без марок и адресата. Нехороший холодок пробежал вдоль позвонков до самого копчика, она перевернула плечами. Дверь квартиры напротив почтовых ящиков клацнула замком. На площадку высунулась голова с фиолетовыми кудельками.

— А, это ты? — Голос у пожилой соседки, за глаза называемой «пилорамой», действительно напоминал звук несмазанной циркулярки. — А я смотрю, кто-то у ящиков возится и возится, возится и возится. Вчера вон у Смирновых чуть квартиру не обчистили, хорошо, я вовремя заметила, позвонила куда следует. Так они знаешь что удумали, аспиды? Ключи мои украли. Это чтобы я из квартиры выйти не могла.

— Кто украл? — удивилась Жанна, на миг позабыв и про конверт, и про все.

— Так эти ворюги, — старуха вышла на площадку, придерживая дверь ногой. Цветастый фланелевый халат, распахиваясь, являл миру ситцевую ночнушку в голубых незабуд-

ках. — Узнали, что их планам коварным помешала, и сперли ключики мои, — старуха всхлипнула и утерла глаза сморщенным кулачком. — Знают, что последние. Мне теперь из дома не выйти. Помирать теперь... кто хлебушка принесет? Никто. Как пенсию получить? Никак.

— Подождите, Нинель Адамовна, — Жанна пристроила портплед на ручку чемодана и подошла к ней, — давайте разберемся. Как они попали к вам в квартиру? Вы же позвонили в полицию? И что было дальше?

Нинель Адамовна вскинула на нее выцветшие глаза. Жанна терпеливо ждала. От вредной старухи стонал весь дом — жалобы на соседей сыпались из нее как из рога изобилия, но в то же время она бдительно охраняла подступы к квартирам.

— А, — воспоминания хоть и медленно, но загрузились в фиолетовую голову, — позвонила, да. Пока они ехали, те уже убежали. Я видела, как мимо шмыгнули трое таких... — лицом она изобразила каких.

— А ключи? — напомнила Жанна. — Вы сказали, ключи у вас украли. Кто-то заходил к вам?

— Точно! — Нинель Адамовна широко улыбнулась. — Я на почту ходила, жалобу отправить этому, как его... прокурору. Вернулась.

Углядела аспидов этих, сообщила куда следует. Они мне еще нахамили там, мол, отстань, бабушка, не мешай работать. То есть честные граждане им работать мешают, каково? Ну вот я еще устрою...

— Ключи-то как пропали? — напомнила Жанна, глянув на часы. Стрелки неумолимо ползли к критической отметке. Опаздывать было нельзя категорически.

— Так и говорю же, позвонила в полицию, а они там и говорят, мол, устали от тебя, бабушка. У меня аж давление поднялось. Я в аптеку собралась, а ключей-то и нет! Украли, аспиды, как есть украли!

Жанна задумалась. Никто, конечно, ключи не крал, но старуха, пожалуй, и правда застрянет в доме, боясь уйти, не заперев квартиру. Еще и помрет, не дай бог, к ее возвращению. Времени было в обрез, но Жанна тронула старушку за худенькое плечико.

— Вы позволите? — она кивнула на вход в квартиру.

— Ну что ж, проходи, — старуха удивилась и пропустила ее вперед.

Жанна быстро огляделась. В тесной прихожей торчала крытая вязаным ковриком табуретка: все же пенсионерка коротала время, подглядывая в глазок за соседями.

— Во сколько вчера звонили в полицию?

— Так вот с почты пришла аккурат перед обедом, смотрю, на втором этаже кто-то гремит, ну сразу и позвонила.

— А ходили в чем?

Нинель Адамовна тронула стеганое демисезонное пальто на вешалке. Пальто было на удивление добротным, явно новым. Жанна пощупала карманы и для верности еще и залезла внутрь. Пусто.

Старуха хмыкнула.

— Думаешь, не проверяла? Все перетрясла: карманы, сумки, даже тумбочку отодвинула. Украли ж, говорю! Пропала я, бедная. Это ж последние были... Замок теперь менять, да? — В голосе старухи звучало неподдельное отчаяние. — Это ж сколько денег-то?

— Может, сыну вашему позвонить? — с надеждой спросила Жанна.

— Вот еще! — Нинель Адамовна махнула рукой. — Поедет он, как же! Вон пальто мне и то с курьером прислал. Некогда ему, вишь. Плюнул на мать. Растила, кормила, выучила... а он и носа не кажет. Курьером мне присылает... аспид!

Дело пахло керосином. Ей уже давно надо было подъезжать к кольцевой автостраде, а она пытается спасти старушку от мифической голодной смерти.

— Курьер вчера приезжал? Ну, с пальто?